

Г. М. Мировпольский
Тройной одеколон

СТИХИ, ПРОЗА, ПЬЕСЫ

Геннадий Миропольский

**Тройной одеколон.
Стихи, проза, пьесы**

«Издательские решения»

Миропольский Г. М.

Тройной одеколон. Стихи, проза, пьесы / Г. М. Миропольский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854666-2

По мнению автора этой книги, поэзия ничем не отличается от политической агитации. Она рассказывает нам о том, что будет, если мы ее выберем, и о том, что мы не должны верить своим глазам. О том, что мы живем в лучшем из миров, или наоборот — обещает спасение из этого мира. Морочит нам голову игрой слов или рассказывает о том, что дела обстояли хорошо при прежнем правительстве. В конце концов, открывается она краткой программой, а завершается ценой за соучастие.

ISBN 978-5-44-854666-2

© Миропольский Г. М.
© Издательские решения

Содержание

Агитационные песни – 1	6
Восход	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тройной одеколон Стихи, проза, пьесы

Геннадий Михайлович Миропольский

Фотограф Геннадий Михайлович Миропольский

© Геннадий Михайлович Миропольский, 2017

© Геннадий Михайлович Миропольский, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-4666-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Агитационные песни – 1

* * *

Впереди какой-то планетарий —
разноцветные спирали и жгуты.
Позади клоповник и шиповник.
А в хуине посередине – ты.

Что есть «ты»? – не спрашивай напрасно.
Невозможен мягкий переход.
Твой билет меж разных двух отверстий
оплатил учебник и народ.

Так иди ж, посланник геометрий,
в ту страну из той страны, куда
не везут олени и дилеммы,
где Нет-нет такой же, как Дада.

Не ругайся, не шуми, не требуй,
не качайся, не вставай, не пей, —
все равно надел на шею провод
и висит разбойник-Соловей.

Он висит, и все ему неймется —
дым над планетарием стоит.
В том дыму с магнитом расстается
парный, ему свойственный, магнит.

2017

* * *

Национальные проблемы кошек
и расовые требы муравьев
меня волнуют.
Как там с государством
у бурых тараканов дело обстоит?
Где Макбет псов?
На что решился суслик-Гамлет?

– Молчат газеты птиц
на средиземноморьи
об этом.
И кошки ведут себя не по-граждански.

2014

Отсутствие блодинок (не
распространяется на кошек).
Петух кричит не в качестве метафоры
– бесплатно.
Садится солнце. Фонари
– гостями ранними —
окраинами зала голубого поджидают ночь.
Единство черных кошек
у мусорного бака.
Беспартийно.
Преддверье Пасхи. Африка.
Прохладно.

2014

На берег, обжимая волосы, выходит
та, что с закатом медленным купальник
сравнить решила
в синем море.
Чем ближе, тем определенной, старше возраст.
Вытряхивает воду из ушей,
подпрыгивая на одной ноге,
в песок впечатывая капли и ступню.
Трепещет бражник на веранде.
Бредет старик Приходит Вечер. За столом
басок мальчишеский, фальцет девчоночий.
Смех детский колоколит. Полнолуние.
Подать ребенку руку – проще.

2014

Восход

Растерянность овладевает Питером Тарсом, финансовым директором International Ridicule Inc, оглядывающим Манхэттен со своего 42-го этажа не遠далеке от Таймс Сквер. Рак. Ему сказали, что у него рак.

Не приговор. Здесь это не приговор. Дева. Весы. Скорпион. Стрелец. Козерог. Ноусмокинг. Фамилия. Вечные его идиотские шуточки. Цепкие крючья безразличного врага. Конец. Кладбища вокруг, все – кладбища. Царствие его не от мира сего. Мир сей – кладбища. Тараканы. Немой вопль. Какая разница. Глухота – отсутствие времени. Пространств преизбыток. Память – слух. Зрение – кладбище. Все это – мир сей. Сострадание клопа к таракану. Бензиновый развод в грязной луже. На фоне кладбища бензиновый развод. Успехи медицины. Канцер. Концентрация. Воля. Спасенье. На миг единый. Дленье, пребывание. Торг продавца в отсутствии клиента. Маркетинг в пустыне. Протест Иова о потерянной семье. О стадах и собственности. Всеми виной – глаголы. Операционная деятельность нашего предприятия.

Скорость протекания транзакций в сознании Питера Тарса.

Существование. Перечислимость. Тварность.

Птица Рух, уносящая трех слонов, при получении Питером известия о скорой смерти.

Иосиф Бродский, пишущий «Осенний крик ястреба».

Кинематографическая иллюзия высоты, с которой есть последний смысл обозреть общую картину.

Аллегорический обман третьего измерения.

Бессмысленная наглость Ахматовой: «Смерти нет – это всем известно».

Питер Тарс нажимает кнопку звонка и вызывает секретаршу, ему нужен кофе. Он постепенно овладевает собой. Так называется этот процесс.

Социализация сознания собственной смертности.

*

Когда? – сиротствующая физия в шапочке цвета осени вопрошает, – когда? Едет Наденька с институтских пар, выбором студента-наперсника озабоченная и избытком веснушек. «Пусти! Пусти меня!» – репетирует триумф душа ее, надежды душа звериная, пушком обманном, нежным шитая.

Кислю и прелью веет от листьев на газонах, шорохом и шелестом шепчет в октябре. Двери трамвая баяном дергаются туда и обратно, потряхивает и позванивает. Не ведая страха, едет в трамвае неизвестно кто с меткой вместо имени. Выпевает в груди принцессой цирка: да, я шут, я циркач, и что же?

Дадим ему имя, пусть будет Иваном, Иваном Андреичем Пустовойтом пусть будет. Камо грядеши, Иван Андреич, куда погромыхиваешь, безбилетник, почто мысленно разрываешь вселенную паспортов и преysкурантов, приложений и оглавлений? Что гнетет, что радует тебя, тезка Бунина, отчего сбрендил ты посреди трамвайных разъездов под искрами перемен, за что ответственность несешь и перед кем? Всматриваешься куда, от каких мух чубом омахиваешься, Орест Агамемнович? Таких людей нет уж вовсе, сняты они с производства. Куда же Вы, маэстро?

Смеется Иван Андреич, тонет в себе и смеется, а во взгляде его – искры перемен и шан-дарохот трамвая.

Опасен Иван Андреич, опасен, но не для – ага, вот он! – Михаила Иваныча, не для Михаила Иваныча Блюмкина, умеющего в рожу дать, если что. Если что, если что, если что! Не пропустит он и не упустит, если надо, он с лестницы спустит под трамвай, под колеса, под нож, он такой, вот такой, да, похож. А в ухо?! Нет у Михал-Иваныча вопросов, зато ответы – есть,

и будущее выворачивает челюстями-крылами площадей из-за поворота, камнями и фундаментами выворачивает, а не эфемерностью искр! Потряхивает Михал-Иваныча радостно на остановках, да и сам он помогает себе, подпрыгивая, не ведает безделья тело его.

Работник культуры, хранитель и имитатор, причастный служенья, чему – неведомо, Андрей Михалыч Иевлев! Куда ж и тебя несет в трамвае октябрьским днем в гоп-компании с незнакомцами под шум или музыку времени? Гражданин своего «я», кто ты? и что шевелится в груди, на что обопрешься при случае? Почему злостью живешь только, когда жив вообще, зато чистой? За что не любишь всех, кто говорит «в наше время» или «на дворе XXI век»? Где найдешь источник для метафизической своей ярости и к чему применишь ее? Зачем в доме повешенного – любитель о веревке поговорить? Кому шепчешь невзначай «вперед, вперед! дальше, дальше!», и куда уж дальше?

Посверкивает и поблескивает дамская сумочка, придерживает себя рукою с кольцом обручальным на пальце безымянном, нащупывает в своем желудке кошелек с деньгами невротически. «Ах-ха-ха-ха-ха!» – рассыпается детским смехом мобильный в сумочке, щелкает рука с кольцом и пальчиками наманикюренными, щелкает на застежке, раскрываются тайны анатомические и в кокошнике розовом извлекается источник звука серебристый.

Фейерверками выводов сыплет телефон, ни мига без пушечной пальбы медицинских рекомендаций, как будто вечный полдень стоит над Петропавловской. На неплохом английском языке рекомендации.

Бьется резинка на дверях-баяне, подрагивает, недооторванная, недоотставшая, ночным мотыльком вьется, оторвись же уже, пади в грязь промышленную и успокойся.

*

Отставляет ножку, крутится на сиденьи автомобиля выжига – сереброшерстая кошка. Треплет кошку по пузу пассажирка автомобиля, номерной знак «Лёля 666». Кошка – Мадонна. За рулем – муж. Слева – трамвай. Перед лобовым стеклом – перекресток, светофор, красный.

Здорово живешь, Петруха, семь целей перед собой имея – не хухры-мухры. Знаешь, куда напор свой сбрасывать, откуда деньги на следующий вираж брать, а ведь деньги – деньги! Вираж!

Ты ли единственный, Петенька?

Ни к чему не стремится четырехстопный ямб, ничем не рискуют ведомости фондовые, никакие тенденции формальных сущностей не отвечают ничему, что происходит с Петром Павловичем Пунцевым, а происходит с ним кризис.

Позабыл он прилагательные и причастия, приказы подчиненным глаголами отдавая, изредка упором ногу ставя на крепкое существительное, как на педаль сцепления. Но не в этом кризис его, не в частоте использования грамматических форм, а лишь проявляется в грамматике происходящее с ним; проявляется, как пятна под мутным красным светом на фотобумаге.

Все, что дается Петруше, волей дается, и лишь сопротивление встречает его на любом крыльце. Да и не рассчитывает он ни на что иное. Научил его бизнес ценить сухой остаток слова, рычаг глаголов и ломик императивов. Ничего само собой не делается – истина эта детская обросла крепостными стенами, башнями с бойницами, вон – у леска гарцует кавалерия замыслов, а дисциплинированные резервы легионами перестраиваются в поле по одним Петруше ведомым резонам. Что ему Леля, что ему 666, что Мадонна сереброшерстая, что трамвай слева? – шары бильярдные, бойцы отрядные, солдаты жизни его, убьют одного – на место следующий встанет, как зубами дракона сеянные. Глубока линия обороны, далеко разведка ходит, вышколены полки фронтовые. А коли не вышколены – сменим!

Не видят незримого фронта бойцы, что с полководцем делается, пустяки какие раздражать его стали. Как нахлынет волна ярости, закипит злобой, и отляжется направленным потоком под холодной ладонью каратистской воли; вновь пеной изойдет, и снова обретет направление целью и способами – кто наблюдал двухтактный механизм судьбы? Вздыбится и рассредоточится перпендикулярным движением. Однако из всех он – единственный жив. Неужели так выходит, что? Кто ж он – Кулибин? Калашников? Макбет? О. Бендер? Нет – он, Пунцев Петр Павлович, по школьной кличке Хорей, жив он, а не ожидает жизни в трамвае, он один – настоящий, а вокруг него – враги его, и они же – войско его. Орлы или шакалы – это как масть ляжет, это еще как он, Петька Хорей, судьбой своей в очередной раз овладеет, на коня вскочит, не промажет, совпадет с этой жизнью, впишется на вираже, первым с хеком ударит. Тонет, тонет в самом себе Петр Павлович, как Иван Андреич Пустовойт тонет, но без смеха, а с пеной в наглом блеске расчета и воли, со взглядом, шакалов в орлов преображающим, или наоборот – тут уж, как выйдет.

Кризис-то в чем Петрухин выражается? – сам не ведает, но есть что-то, червоточинка в яблоке завелась, герпес на губе выскочил, и так этот герпес, так ..., что нет слов иногда. И накатит, и навалит, и нет хорея, одно сплошное безударное «а». Где хладная ладонь каратиста? – На руле подруги неизменяющей, на руле мытая, белая.

*

Роман Родионович прошмыгивает в подъездную дверь за старушкой, притворившись жильцом. По ошибке направившись в сторону, противоположную лифту, вовремя соображает, вспоминает, шарахается, разворачивается и входит в лифт вслед за своим Хароном. Вам какой? – безразлично спрашивает Харон. «Седьмой», – отвечает Роман Родионович, оцарапав влажнеющий взгляд мнемоникой стертых этажных кнопок.

Ноги слабеют и подкашиваются, память проскальзывает в черепной обертке и растворяется поездным рафинадом в цвета чая воздухе. Коридор – все тот же: бетонный пол, несколько дверей и детский велосипед с никелированной рамой.

Тихо. Подойдя к двери, Роман Родионович сопит, но слышит, как за дверью стукнула посуда в раковине на кухне, метрах в двух-трех от него. Справа за стеной – ванна с эротическими этюдами сознания.

Спустя несколько минут с той стороны двери раздался уверенный звон: посуда устанавливалась в сушилку.

Подумав о соседях, Роман Родионович отволок себя обратно по коридору в сторону лифта. Даже стоя у лестницы, он слышал ее походку: она прошла из кухни в гостиную и обратно.

Осыпается штукатурка воспоминаний, торжествует немой фон, из которого когда-то вытянулась его рука и утопила кнопку дверного звонка. Где вы, девы? Евы вы.

Под ковриком лежит воспоминание о ключе. Голый, глухой фон беспричинности, глупое истребление прошлого, гневное истечение безразличия, чистое отсутствие будущего. И вновь звон мешающих тарелок из-за двери.

Он заставляет себя уйти – это процесс, а не решение, поэтому он для коридора и велосипеда изображает неслучайность своего присутствия, растворяет окно у шахты лифта и выглядывает вниз, на проспект, на трамвайную линию, на машины у перекрестка, и неловко сдвигает огромный горшок с пыльным алоэ.

*

Что ж Иван Андреич, о тридцати годах чубом вскидывающий? Что смотришь в окно трамвая, не видя? Отчего неблагодарен ты к тем, кто вниманье на тебя обратил? Жизнь в шуточку обратить пытаешься, и последователен, говоришь? Излишне серьезен ты в последовательности своей шуточной, не верится тебе, наоборот ты все делаешь, не как все! Шутишь, когда – по делу, а когда все шутят и празднуют – томишься бездельем и беспросветностью.

Куда? Куда рванулся ты, Иван Андреич, со своим чубом чертовым, не для тебя это, не по тебе шапка, не сдержишь ты чуму своей жизни, не удержишь на поводу повозку Солнечную, не станешь Фебовым возницей, не по силам это не то, что тебе, а и Петру Павловичу Пунцеву. Да ведь и никому не под силу, опомнись! Вон – спроси у Михаила Ивановича Блюмкина, у него все ответы есть. Ах, ты ж высокомерная скотина, Ваня. Что задумал ты, о чем дремлешь, вроде как пьян, чему рад, бестолочь акселератская, переросшая? Как ты силой мысли своей от мира отделаешься или мир воображеньем пересоздашь? Да и откуда у тебя, оборванца, мысли?

Когда? Когда? – утопают в восторге предвкушаемом Наденькины рефлексy безусловные. – Никогда, вот когда!

Андрей Михайлович Иевлев по-верленовски свернул голову риторике. День был тяжелый. Поль-Мари Верлен, французский поэт, родоначальник символизма, родился 30 марта 1844 года в семье военного инженера. Три лекции, три пары, триста шестьдесят минут позади, день вот-вот вечером назовется. Нет у нас другого народа для нас. И вернулся к риторике. Что у нас было 30 марта? Не помнит. Пробегают жизнь бесприютного хозяина культуры вперед и назад, как бильярдный шар от борта до борта.

Невидимым кием толкается, мимо шаров, по людям бестолково лупит им Михаил Иванович Блюмкин, подпрыгивая на заднице. Овен, одним словом. Здоров, как бык. Шея красная, ноги в полуприсяди, разведены локти для расчистки путей, а чьих путей – неведомо.

*

До чего дошел Петр Павлович! – затмения с ним, живущим подлинно, происходить начали. Так это с ним бывает, когда случается: волна морозная по позвоночнику сверху вниз схлынет; а напротив, от крестца к головному мозгу, горячая волна взойдется; после этих двух волн встречных промыт Петр Павлович, ясна его воля, но пуст разум.

Зачем все это? Зачем? – с сочувствием произносит что-то в его голове. Но загораются уже заря жаркая на востоке головного мозга, и не помогает длань хладная, каратистская, восстает в башке шар красный, синее небо сознания Петрова, очищается оно от облаков завоеваний, гаснут звезды деятельных планов, рассеиваются в туман низменный, приболотный полки и депозиты, и в триумфе своем сияющем восходит воля, самому Петру Павловичу не принадлежащая, и вот уж кто теперь возница Фебов? и проносятся уже невесть в чем, невесть где лучи всеответные, посланцы неведомого всепроникающие, и готово тело Петра Павловича повиноваться, и повинется гибко.

Видит, видит тело Петра Павловича тело Ивана Андреича, прилипшего к окну трамвая. Видит, но не слышит бормотаний Ивана Андреича. А бормочет то тело: тревожною стаей, слепой и шальной, крылатая память шумит надо мной и плещет, и мечется, бредя спасеньем, над желтой листвою, над сердцем осенним.

*

Бруклин, Брайтон-бич, Нью Йорк. Биологическая жизнь, приправленная человечьими шуточками. Развалы телячьей печени, подносы свиных окороков, краска на морщинах, седые волосы под шляпками. Отсутствие гордости на лицах, целлофан на ветру, триумф мнений, запах духов и рыбы. Океанская галька семейных драм, плотный песок привычки, пляжи инфраструктуры. Солнечные очки витрин и ресторанов. Стикеры вместо могил. Чайки воспоминаний. Деньги и домино на деревянных столах.

На деньги играет в домино Янкель Иосифович Блюмкин, пенсионер и обладатель социальной программы №8 США, отец Михаила Ивановича, видевший Михаил Ивановича только при его рождении.

«Рыба!» – произносит Янкель Иосифович и стучает костью по столу, сдвигая вкривь доминошный глист.

*

Вторая жизнь открывается для Ильи, новая и чистая. Новые люди, новая профессия, новая обстановка. Он сам достиг этого и теперь проходит паспортный контроль в аэропорту JFK в Нью-Йорке. За ним большая очередь. Машет рукой полисмен-афроамериканец, приглашая следующего.

Чернокожая гусеница очереди, «yes» и «no» заполняемых анкет. Пластик биографии, дактилоскопия страха, зеленые погоны хиромантов. Круговой транспортер багажных надежд, указатели «EXIT», никелированная направляющая, загробные таблички встречающих. Кафель поисков и ожиданий, громады аэропортной мяты, кубиклы с немymi девушками в униформах. Хлопнуло включателем в барабанных перепонках. Сглотнул кофе, стоя в дверях, на выходе из старой жизни. Настоящий шум жизни.

Первую, старую и грязную жизнь, так просто не сглотнешь.

Наденька.

*

– Помочь? – переспрашивает рыжая Джудит у тестя. – Если человек нуждается в помощи, я могу подсказать, что я бы делала в его ситуации. Если он принимает мой совет, я могу помочь. Если он продолжает тонуть в соплях, то и некому помогать.

Декларируемое торжество операционизма. Неустранимое расхождение между действием и декларацией. Падающего – подтолкни. Последнее действие автора афоризма перед припадком – заступничество за лошадь, побиваемую извозчиком.

Джудит встает из-за стола мыть посуду и из кухни доносятся резкие и шуточные ее приказы, адресованные младшей дочери. Тесть, покряхтывая, идет проверять домашние задания старшей внучки.

Неизвестно из какой точки, внутренним зрением охватывает Питер мистические каменные плацдармы. Не сверху, не в профиль, не из-под, а безразличной диарамой даются ему каменные разводы пленки человеческой, разводы бензина в лужах вселенной.

Питер пьет кофе в кабинете на Таймс Сквер и размышляет о том, как правильно сказать о своем диагнозе жене.

Смерть социализирована.

*

Мигает желтый срединный глаз дорожного Будды, трогается трамвай, трепещет резинка на дверях, надрывается, исходит в треньканьи телефон в сумочке. Перепутан снимок Питера Тарса из Нью-Йорка, перепутан, исковеркана карточка медицинская диагнозом ложным, драматическим. Ошибка ужасная, ужасная, ужасная, *mistake terrible*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.